

С.А. Мачинский

КРЕПОСТЬ ОЧЕРКИ

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

Сбылась мечта — я в Бресте! Я был здесь и раньше как турист, как участник реконструкции событий лета 1941 года, а теперь я приехал работать, приехал искать тех, кто погиб здесь в жарком июне 41-го. Я солдат и в этот юбилейный год 70-летия Победы я приехал к тем, кто погиб в первые минуты, часы, дни той войны, погиб, еще не осознав, что случилось, погиб, но смертью своею приблизил эту Победу.

Как, скажете Вы, смог приблизить победу человек, ни разу не успевший выстрелить во врага, погибший во сне, не совершивший подвиг? Я долго думал об этом и раньше. Все, слышите, все погибшие в той войне советские люди — Герои, все как один, так считаю я, считают мои друзья, те кто занимается поиском. А почему? Потому что каждый принял на себя ту пулю, тот осколок, который мог бы убить другого, того кто дошел до Берлина, потому что, мелькнув в прицеле немецкого стрелка отвлек его и дал шанс другому, метнуть гранату, перебежать за бугорок, выстрелить и убить врага, бездыханным телом своим под гусеницами вражеских танков на секунду задержал их движение. Вот почему они герои!

Для меня нет выше чести в это тяжелое время встать с ними в один строй, потому что сейчас уже идет война, война с памятью, война за правду, пока она идет на страницах интернета, в сообщениях СМИ, в высказываниях политиков. И в этой войне есть свои герои и свои предатели, те, кто предал память о подвиге предков, предал их отдавших жизнь за свободу и мир. И в этой войне они, павшие, нуждаются в нашей помощи, они не хотят забвения, они не хотят покоя, они хотят, чтобы мы помнили. И каждый найденный солдат снова встает в строй, своим возвращением напоминая: «Мы были, мы погибли, чтобы жили вы». Каждое возвращенное имя — это снаряд в тех, кто говорит, что было не так, что не такая уж она и Великая эта Победа. И вот мы в одном строю, павшие и живые, как у Симонова — «Живые и мертвые».

Кто-то из поисковиков сказал, что мы — это запоздавшая похоронная команда; и вот мы пришли, пришли сюда через 74 года после начала той войны, пришли за теми, кто вступил в бой и погиб в ней первыми. Я шел сегодня по казематам Брестской Крепости и говорил с ними, я говорил им, что мы пришли, мы помним о них и никогда не предадим их. Я нормальный обычный человек, но говорю с ними, потому что верю и знаю: они рядом с Богом, все они, павшие за свою Родину, — святые, стоят рядом с ним и смотрят на нас, иногда радуются за нас, иногда огорчаются, но всегда помогут. Это — мое, мне так проще жить, жить как можно честней и правильной, хотя и не всегда получается, но я стараюсь.

Стараюсь просто быть достойным, стараюсь сделать так, чтобы не повторилось то, что пережили они, чтобы моя дочь жила в мирной, спокойной и честной стране. А чтобы так было, страна должна быть сильной, сильной в первую очередь своим духом, а эту силу я беру у них. Ведь смогли же они отстоять ее свободу, смогли, не задумываясь, отдать за эту свободу свою жизнь, и не в праве мы быть хуже, просто не имеем такого права. Мы выезжаем на первую точку, где по имеющейся информации погибли наши солдаты и остались лежать на поле боя... У нас говорят: «Не мы их находим, а они находят нас...»

БРЕСТ. ДЕНЬ ВТОРОЙ.

Сегодня наша поисковая группа из солдат и офицеров 52 поискового батальона Министерства обороны Республики Беларусь, 90 поискового батальона Министерства обороны России и меня — представителя РВАО — проводила работы на территории Маларитского района Брестской области, где с боями отступали от границы части 75-ой стрелковой дивизии.

Немного расскажу о системе поисковых работ в Белоруссии. Здесь за всю поисковую деятельность отвечает Министерство обороны, а вести ее можно только в присутствии или совместно с представителями 52 поискового батальона. Военные комиссариаты в течение года собирают от местных жителей и общественных объединений информацию об имеющихся на их территории неучтенных воинских захоронениях, проверяют эту информацию и отправляют заявку в Министерство обороны. Там составляют план и спускают его на батальон, параллельно принимая заявки на работы от общественников, в том числе из России. И потом в течение года личный состав батальона с привлечением общественников, представителей военных комиссариатов и местных властей, разбившись на группы, этот план отрабатывает, проверяя полученную информацию. Вот и мы сегодня отрабатывали один из таких информационных листов.

По имеющейся информации от старого лесника, двое красноармейцев предположительно из состава 75 стрелковой дивизии напали на немецкий дозор на лестной дороге в июне 1941 года и были убиты в перестрелке. Тела были захоронены лесниками еще тогда у дороги, при одном из них были какие-то документы, но ни имени, ни фамилии не сохранилось. Помнят только, что был он из Калужской области.

Машина доставила нас до лесной дороги, где нас ждали местные жители из числа инициативной группы, и пешим маршем мы двинулись на место. Через километр пути мы свернули на старую фронтальную дорогу.

Вот по дороге по чистому залитому солнечным светом лесу идут солдаты армий двух братских государств, идут, чтобы вернуть из небытия тех, кто подарил им жизнь, подарил ценой своей жизни. Я смотрю в лица этих молодых парней и пытаюсь понять, о чем они сейчас думают, что чувствуют? Тем, кто лежит в той воронке, наверное, было столько же лет, сколько и им, только не было тогда двух разных стран, не было у них соцсетей и айфонов. А были способность к самопожертвованию, верность идеалам, дружбе, любви. Могли эти двое спрятаться в лесу, пропустить явно более сильного противника, просто убежать, но они вступили в бой, явно по нашим сегодняшним меркам безрезультатный и бессмысленный бой — и погибли.

А может не бессмысленный? Может и был у этого боя свой результат, стоивший этих двух жизней? Может, следующей ночью немецкий солдат, который убил у дороги двух красноармейцев, просыпался от страха в поту, вспоминая этот бой. Может, после этого боя он осознал, что нельзя победить эту страну, этих людей, которые цепляются за любую возможность убить врага, которые не жалеют ради этой возможности своей жизни... Может, если выжил, после войны рассказал своему сыну и внукам о том, какие люди живут в этой стране и как любят они свою Родину.

Может быть, так оно было. А сможем ли мы, смогут ли эти парни в случае, если, не дай Бог, придется повторить подвиг своих прадедов? Вот о чем я думал, идя к месту гибели неизвестных героев. И посмотрев в глаза солдатам двух стран, идущим в одном строю к могиле павших дедов, понял — смогут! Почему, спросите вы. Ты экстрасенс? Ты великий инженер человеческих душ? Или ты политрук и сыплешь нам тут лозунги? Нет. Я офицер, и я видел, как, молча печатая шаг, по старой фронтовой дороге идут солдаты, идут отдать дань памяти и вернуть из небытия таких же солдат. Они осознают свой долг, и они пришли за ними, они не болтают и не смеются в этом фронтовом лесу, они думают о тех, кто тут лежит, это уже не пацаны — это солдаты, пришедшие за своим побратимом, они не предадут. Я в это верю.

И вот оно это место, вот зарубка на дубе, оставленная много лет назад и обозначающая место, в корнях большого тройного дуба звенит железо. Дуб посадили лесники, чтобы отметить место, и сегодня без спецтехники мы не справились с ним. Он не хочет отдавать свою тайну, может он тоже считает честью расти над теми, кто отдал жизнь за Родину? Завтра мы вернемся сюда!

Я очень хочу увидеть этих ребят. Для меня всегда останки солдат — это не анатомический скелет человека, я пытаюсь увидеть их, какими они были тогда, стараюсь представить их живыми, для меня и для всех нас, поисковиков, это живые люди — солдаты.

Знаете, мы вообще счастливые люди. Нам не надо стоять в очереди чтобы прикоснуться к святым мощам, мы прикасаемся к ним ежедневно, и у нас у каждого много своих святых. Это те солдаты, которых мы нашли, они помогают нашим душам там, на небе, а мы здесь отвечаем за них на земле, храним и передаем память о них. До завтра, солдаты...

БРЕСТ. ДЕНЬ ТРЕТИЙ, ТЯЖЕЛЫЙ.

Сегодня день начался с разочарований, а закончился триумфом и трясущимися от счастья руками. Захоронения под дубом не оказалось... Полдня 15 человек и трактор боролись с белорусским дубом. Победили, но под корнями ничего не оказалось. Еще одна точка, куда ушла вторая группа, также не дала результата. Хорошая погода и чистый сосновый бор не радовали душу. Не умеем искать? Не даются нам солдаты? Кто-то из нас виноват перед ними сильно?

После обеда, не очень надеясь на успех, двинулись проверять последнюю информацию, переданную только вчера местным поисковиком и, как его тут называют, «комсомольцем» (он работает в Белорусском союзе молодежи) Петей Пецко. Информация поступила от «неофициалов», не знаю, как назвать, может «черных копателей», может любителей монеток... Они якобы нашли

останки якобы трех красноармейцев, и мы двинулись по их следам. НАШЛИ!!! В свежем раскопе, прямо у дороги в полиэтиленовом пакете останки, вещи, куски снаряжения...

Вот зла не хватает на таких людей. Вот не знаете, что дальше делать с останками, зачем трогаете? Я обращаюсь ко всем, кто ходит в лесу с прибором, ищите вы свои железки ищите, зачем вам останки? Не знаете, что дальше, зачем начинаете копать и тревожить? НЕТ У НАШИХ СОЛДАТ ПОЧТИ НИЧЕГО! Патроны, кружка, котелок? Оно вам надо? А дальше перепутанные останки, утраченные вещи, имена и зацепки... Побойтесь Бога, ТАМ с вас они же спросят!!!

Так и тут вышло. При разборе останков стало понятно, что они принадлежат не 3 людям, а значительно большему числу, причем фрагменты от малых до крупных (черепа, фаланги, берцовые кости). Стали углубляться, кобура от ТТ, части портупеи, сердце замерло — ОФИЦЕР, как тогда принято было называть, Командир. Такой же, как я, принял бой и погиб здесь со своими солдатами через несколько дней после начала войны. Остатки планшета, зеркало, ручка, линейка, карандаши. Ниже еще останки, один череп, второй...

Так как раскоп уже был нарушен, останки сильно перемешаны. Хотя грунт хороший, песок, и, если бы не «чернушники», можно было археологией взять четко всю воронку с полным пониманием, где кто, а так пытаемся разобраться, где кто, по размеру костей.

Хромовые офицерские сапоги, хорошо сохранились головки сапог и их нижняя часть, видно, что здорово они походили эти сапоги. И вдруг солдат из Белорусского батальона передает в тряпичном свертке... ПЕЧАТЬ!!! Латунную печать для пакетов. Я за свой более чем 16-летний поисковый стаж слышал о таких достаточно редких находках, но здесь, по первым военным дням, в нескольких десятках километрах от границы! Руки трясутся до сих пор...

К печати намертво прикипела 10 копеечная монета 1936 года... Возглас: «Медальон!» Кто не занимается поиском, не поймет, что это значит для поисковика, а после такой находки, как печать, можно лечь в яму с теми, кого нашел, просто от всплеска адреналина... Медальон ровно пополам разбит осколком, в нем даже сохранилась бумажная труха... Работали почти до темноты, пока подняли останки 7 человек, еще вроде двое в раскопе, завтра назад к нашим святым. Дорабатывать.

Печать на обработке. То, что видим. 184 Туркестанский Стрелковый полк, хотя погиб тот полк в начале войны почти в трехстах километрах отсюда в районе Гродно. Будем уточнять, все завтра...

Сил нет ни на что, даже писать, эмоции бьют ключом. Когда видишь вещи павших в хорошем опознаваемом состоянии, мыслям этим нет конца... Куда и откуда он шел в этих явно по заказу сшитых щеголеватых хромовых сапогах, со сбитыми квадратными головками? Ведь, если при нем печать для пакетов, это штабной офицер. Может, привез пакет, может, получал или сдавал документы еще до войны? Может, может, может... Миллион этих «может».

Нет, не заснуть. Хочется представить, какой он. Запыленный, небритый, усталый, но точно не растерянный и не сломленный. Ведь с ним солдаты. Его или нет, но они вместе приняли последний свой бой и не сдались, не ушли и не спрятались! А раз они остались с ним в этом последнем бою, значит, он был хорошим командиром! И все они пока неизвестные Герои! ЗАПОМНИТЕ: НЕТ НЕИЗВЕСТНЫХ СОЛДАТ, ЕСТЬ НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ! Все, кто погиб за Родину!

БРЕСТ. ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. МЕДАЛЬОН.

Спокойно на душе и тихо... Мы покидаем гостеприимный Малоритский район, его теплых душевных хозяев, военного комиссара подполковника-афганца Олега, поисковика-офицера запаса Женю, учителя истории Николая Ивановича, которые на протяжении нескольких дней были здесь с нами... Спасибо вам за прием и душевность!

Мы отработали все информационные листы по этому району. Как-то казенно совсем? Мы пришли ко всем, о ком помнили и сообщили. Этого мало, но мы или другие вернутся еще. В поисковой работе не бывает безрезультатных экспедиций, если подходить к делу досконально, работать до пота и не уходить, пока не убедишься, что все — точно никого нет. А когда убедишься, что все, тогда даже отвоёванная у старого дуба пустая яма — это тоже положительный результат. Значит, тут нет неуспокоенных душ, и надо идти дальше и остальным сообщить, чтобы даром не тратили время, а шли к тем, кто еще ждет возвращения с войны, нас ждет.

Итог четырехдневной работы — 11 солдат. Много это или мало? Для меня и один вернувшийся — счастье... Бесит, когда начинают считаться. Их уже однажды превратили в цифры сводок, похоронок, надгробных плит. Но считать тоже обязательно нужно, чтобы знать и помнить, чего стоила Победа.

Сегодня доработали «размародеренную» воронку, всего в ней оказалось 10 человек. Погибли, скорее всего, в бою 25-26 июня 1941 года, когда 75 стрелковая дивизия предприняла попытку выхода из окружения. Хоронили, наверное, свои. Хоронили — громко сказано, постояли минуту в тишине кто жив остался и пошли. Да и то хорошо, если была такая возможность. Николай Иванович, учитель истории и краевед, показал немецкие фотографии: раньше тут было поле и болота. В 70-е годы ветераны ему рассказывали, что шли по грудь в воде по болоту, а как вышли на сухое, сразу приняли бой. Немецкий арtpолк и пехотный полк к тому времени оседлали высоты. Вот и наших похоронили на более-менее высоком месте, а все косточки в осколках мин и снарядов, все, все... Зияет как рот, оскаленный зубами сосновых корней, яма, а в ней солдатики вповалку, друг на друге, а зубы белые блестят у черепов, все, как один, — молодые. Тут как осенило, вот он — оскал смерти. Не баба с косой, а яма... В ней парни молодые лежат, которые могли бы стать отцами.

Вот бы, думаешь, всех в мире политиков, от которых зависит, быть войне или нет, всех богатеев, которым всё денег мало, всё хотят на войне нажиться, согнать на эту яму. И заставить весь день в нее смотреть, в провалы глазниц пустых, в оскаленные в последнем крике рты, а потом извлекать их из ямы заставить. Хотя, нет, руки у них у многих грязные, нельзя им это доверять. Сами мы справимся. А смотреть до глюков, до боли в глазах, чтоб всю жизнь эта яма снилась, наверное, стоит. Да не приедут они, некогда им, надо новую войну стряпать, чтоб мошну посильнее набить. Только забывают они: в гробу нет карманов, а там их и встретят солдатики и Господь Бог, да и спросят, знаю точно, спросят... И, если кто из них читает эти мои слова, пусть задумается.

Писал я, помните, что не мы их находим, а они нас. Спросите, как? А вот сижу в раскопе, очищаю от песка и глины останки, чтоб не потерять ничего, песочек просеиваю, сложный очень раскоп, косточки хрупкие, много сосновых корней, что через тела проросли, да и мародеры здорово

солдат потревожили, вот руку под тазовую кость засунул, чтоб ножичком снизу подчистить, и — бац... что-то в ладонь упало, вынул... МЕДАЛЬОН!!! ЦЕЛЫЙ!!! Вот и нашел он меня, солдат. И опять руки трясутся, как у алкоголика конченного, покурить надо, остыть...

В Белоруссии к таким находкам серьезно подходят. Вскрывать не стали, в песочек, пакетик и — в Минск в лабораторию. Это и правильно. Буду думать о нем и молиться, чтоб прочитали, ведь доверился он мне.

Выбрали всех, еще на полметра вниз углубились, чтоб спать спокойно, отвалы прозвенели металлодетектором, пуговички, крючки и монетки пропущенные собрали и покурить сели. Милицию ждем, чтоб документы подписать и останки передать, тут все серьезно — в этом вопросе порядок. Сидим курим, лесок сосновый, песочек: после войны засадили соснами, и болото высохло. Солнышко светит, птицы поют, лежат в ряд на подстилках косточки, наши поисковые солдатики рядом переговариваются... И вижу не косточки, вижу строй стоит: солдат 10 человек, молодые все, командир с ними, стоят и смотрят, как мы курим уставшие. А они бодрые, им к своим идти — туда на солнечное небо, ждут их там, давно ждут, вот и пойдут. Пойдут не далеко, на Курган славы в километре за деревенским кладбищем, на ту высоту, до которой 74 года назад не дошли и останутся там со своими боевыми товарищами. А мы дальше поедem на Брест, где еще ждут нас, и потому тишина и пустота в душе, и покой в ней...

А печать, найденная вчера, принадлежала командиру хозяйственного взвода 184 Туркестанского стрелкового полка. Там с полком пока не все ясно, часть его входила в 56 стрелковую дивизию, что под Гродно легла, а какие-то подразделения — в 75 стрелковую, что тут сражалась. Но разберемся мы, срок дайте.

Завтра я в Крепость пойду, один хочу пойти побродить там, подумать...

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. ГАРНИЗОН.

Я был здесь на реконструкции в 2012 году, и кто-то из местных ребят тогда за столом сказал: «Крепость, она живая; чтобы ее почувствовать, надо прийти сюда на заре, когда нет никого, и пройти по самым тихим ее местам». Я тогда этим словам значения не придал, но сегодня решил, дай попробую. В пять я был в Брестской крепости, как раз на восходе... Прошел по фортам, цитадели и берегу Муховца у пограничного острова, побывал у казарм 125 полка, в Восточном форте, где сражался майор Гаврилов.

Что вам рассказать? Я просто прошу: «Придите сюда, обязательно рано утром, ОБЯЗАТЕЛЬНО, возьмите своих детей, пройдите, сколько сможете, и расскажите, что знаете».

Крепость, она живая, она жива силой и духом ее защитников, тут даже камни кажутся теплыми, когда прикасаешься к выщербленным пулями и осколками стенам. Чувствуешь, как бьется ее сердце, когда стоишь у Холмских ворот, и с Муховца надвигается туман. Кажется, что сейчас с той стороны моста из тумана появятся немецкие цепи и раздадутся первые взрывы, а из окон казарм в свою бессмертную атаку, в нижнем белье, оглохшие и окровавленные, с примкнутыми штыками, пойдут защитники Крепости. Тишина здесь живая, очень плотная тишина. Когда стоишь у

рухнувшей крыши санчасти, кажется, что видишь, как оседает пыль после попадания снаряда, выпущенного в первые минуты войны, и ты знаешь, что под руинами осталось минимум четверо солдат. Видишь, как горят казармы автобата, как дымит подбитый немецкий штурмгешуц, как гонят оглохших, окровавленных, но несломленных красноармейцев в плен, как выдергивают из строя командиров...

Обязательно побывайте здесь, посидите на берегу Муховца, где его черные медленные воды вливаются в светлые быстрые воды Буга. Они черные от крови тех, кто менял капли своей крови на капли этой воды для раненных и пулеметов. Посидите и попробуйте почувствовать крепость, и может быть, вам передастся часть ее силы... Стоит тут просто побыть и подумать: «А все ли я делаю правильно в этой жизни, достоин ли я хоть части того, чем пожертвовали ради меня эти люди?»

* * *

Итак, до 7 июня мы, 24 военнослужащих армий России и Белоруссии, — «гарнизон» Брестской крепости. Я долго думал, что сказать нашим «поисковым» солдатам, чтобы они поняли всю меру ответственности, которая нам доверена. А потом так и сказал: «Мы с Вами — «гарнизон» Брестской крепости, с сегодняшнего дня мы представляем здесь мертвых и живых, и от того как мы будем к этому относиться, зависит, доверят ли павшие нам с вами свои судьбы». И знаете, вроде как проняло, приосанились наши ребятки, в глазах что-то загорелось, поняли они, что за честь им оказана, а это в нашей работе главное.

Жители Бреста очень трепетно относятся к своей легендарной Крепости, люди, которые давали информацию по возможным местам работ, все приехали сегодня к их началу, несколько часов ходили с нами, спорили, давали дельные советы. Сколько нового мы узнали о защитниках Крепости, не прочитаешь ни в одной книге. И о неизвестном защитнике, который бросился с ворот крепости с гранатой в колонну проходящих захватчиков. И о том солдате, который кинул камень в закусывающих прямо в арке Тереспольских ворот немецких офицеров. О том, что немцы вплоть до 43 года почти не ходили по развалинам крепости. О том, что последний бой в ней происходил аж в сентябре и вели его пограничники (совсем недавно в том месте, где шел этот бой, были найдены останки наших солдат, и на одном из них была пограничная форма). О том, что немцы, оставшиеся в живых после нападений при патрулировании руин аж в ноябре, с ужасом в глазах рассказывали о изможденной женщине с копной растрепанных волос, в один голос твердя о «фрау мит автомат». И о том, кто из погибших защитников крепости где был найден.

Много, много всего. Что-то, может, и легенды, но я верю, что они не без оснований: наши **СТОЯЛИ ДО ПОСЛЕДНЕГО!** И, фактически, хваленая 45 пехотная дивизия вермахта потеряла в Крепости только убитыми в разы больше, чем за всю кампанию во Франции.

* * *

Работы начали одновременно в нескольких местах, разбившись на группы. Основная задача — найти воронки, в которые сваливали трупы защитников после зачисток цитадели. Воронки есть на аэрофотосъемке, местные ребята наложили их на современную карту, вроде как нашли места,

начали бить шурфы. В Крепости настолько перемешаны исторические слои, что на каждом разрезе попадаете и старинная керамика, и сургучные печати XIX века, и осколки и пули Великой Отечественной. Обстрелы Крепости оккупантами подняли и перемешали все, что можно.

Я сегодня видел несколько снимков немецкой аэрофотосъемки разных участков Цитадели, это уму не постижимо, что здесь творилось... нет живого места. Крепость страдала вместе со своими защитниками, с ними вместе боролась и умирала, принимая в себя их тела. Потом долго лежала мертвая в руинах, пока здесь не открыли мемориальный комплекс. Теперь она живет вместе со своими защитниками, увековеченными в бетоне и бронзе. Отдаст ли она нам упокоенных в ее земле, ее солдат? Надо заслужить.

Мы стараемся, поверьте, работаем очень аккуратно. Сначала снимаем кусками дерн напротив храма, где был клуб, и у казарм 333 стрелкового полка, где обороной командовал легендарный лейтенант Кижеватов. Укладываем дерн на пленку, на пленку же и укладываем и извлеченную из раскопов землю, чтобы потом все аккуратно засыпать. Мы понимаем, что Крепость — это Памятник, работа в ней должна вестись со всем уважением к Крепости и ее защитникам, которых мы надеемся найти. Завтра мы продолжаем работу на воронках и начинаем разбирать развалины санчасти. Мы — сегодняшней «гарнизон» Брестской крепости.

Брест. Хорошие новости.

Завершился еще один рабочий день нашего сводного «гарнизона» Брестской крепости. Сегодня у нас две хорошие новости. Ребятами из регионального отделения в Татарстане ООД «Поисковое движение России» — Сашей Коноплевым и его товарищами — с большой долей достоверности удалось установить хозяина полковой печати, найденной нами в Малоритском районе Брестской области. Это — командир хозяйственного взвода 184 стрелкового полка 75 стрелковой дивизии лейтенант Дихно Иван Маркович, 1910 года рождения, уроженец с. Первоначная Прилукского района Черниговской области. Призван в 1933 году, пропал без вести в 1941 году. Это большое счастье — вернуть из небытия человека, ведь и для меня как для солдата было бы самое страшное не погибнуть, и сгинуть в небытии... И через 74 года, вернуться — это счастье, вернуться и вернуть. Знаете, мне кажется, что в идущей сегодня войне, каждое возвращение — это вставший вновь в строй солдат. Не штамп ли это? Не лозунг? Да нет. Потому что это лишней повод напомнить, какую цену они, именно они, советские люди, заплатили за Победу!

И жителям Украины, откуда родом Иван Маркович, есть повод напомнить, что не УПА и Бандера встретили в штыки немцев в июне 41-го в Бресте, а лейтенант ДИХНО ИВАН МАРКОВИЧ и его подчиненные — русские, белорусы, украинцы, латыши, эстонцы и другие солдаты многонациональной страны. Они насмерть стояли здесь, на границе, они отдали свои жизни без сомнения в правильности своего поступка. Да, им никогда не пройти маршем по улицам Киева, как сейчас маршируют те, кто стрелял им в спину. Но пусть помнят эти, что предали их еще раз за 30 американских серебрянников, помнят, что сдохнут — и встретятся с Иваном Марковичем и теми

миллионами украинцев, что отдали жизни за настоящую свободу своей страны. И придется держать ответ.

Все войны на Земле закончатся тогда, когда все люди всех национальностей поймут, что нет в мире лучшего или худшего народа, нет избранного, все одинаковы, среди каждого народа есть трусы и подлецы, есть герои, есть просто хорошие люди, а перед Богом все едины. Жить и жить хорошо, чтобы жилось счастливо всем, а не избранным, можно только вместе, вместе работая и созида на благо своих детей, только так. Иначе конец будет цивилизации и планете под названием Земля.

А вторая хорошая новость — это то, что нам удалось зацепиться за воронку напротив казармы 333 полка недалеко от полкового храма! Обнаружили останки двух человек на глубине 1,5 метра, засыпанных битым кирпичом. Вот так!

А было так. Забили 5 шурфов, два вывели на отметку два метра, пошел песок и материк. Командир роты Антон Елин расстроился, говорит, надо перемещаться. «Давай, — говорю, — сходим в храм, пока нет народу». Зашли, поставили свечки за здравие живым и за упокой павшим. Попросил про себя Бога, пусть найдут их, пусть полностью и душой, и телом упокоятся. Выходим, а солдатики говорят: «Нашли». Вот и не верь потом.

Храм в Брестской крепости легендарный, как и сама Крепость. До прихода поляков, это был полковой православный храм, поляки его сделали католическим, чуть даже перестроив и внутреннее убранство изменив. В 1941 году это был Клуб и именно за него были напряженные бои. В 1956 году его пытались взорвать, но при взрыве отлетело все католическое, а он устоял. Потом его восстановили. И теперь это действующий храм со следами от пуль и осколков, с отметиной от снаряда в куполе, настоящий Храм Солдат, который еще раз показывает, что Вера, Родина и Армия едины.

Именно в подвале храма была найдена легендарная надпись: «Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» И здравствуй, Господь. Потому что павшим за Родину, одна дорога — в рай!

Завтра продолжим расширять раскоп на воронке, начнем трудиться на санчасти и еще два раскопа у нас, всего 4 точки обрабатываем параллельно. Надеемся на Божью помощь.

ЗЕМЛЯ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ.

Сегодня продолжали работы в наших точках. Результат: найдено шесть человек. Четверо — в воронке предположительно от пятисоткилограммовой немецкой авиабомбы и двое — совсем рядом со входом в казармы 333 стрелкового полка в воронке от снаряда. Захоронение в бомбовой воронке, скорее всего, производилось местными жителями уже после окончания боев за крепость, так как тела лежат более или менее правильно, уложены на дно воронки и присыпаны известью, сверху засыпаны битым кирпичом. Второе пока не до конца проработано, но, предположительно, в нем захоронены подросток и взрослый.

Очень устали и физически, и морально, морально даже, наверное, сильнее. Что тяжелого? Хочется установить имена, судьбы. Сильнейшее разочарование, опустошение испытываешь, когда

останки извлечены и понимаешь, что нет ничего, никаких вещей, способных пролить свет на судьбы Героев. Еще несколько человек лягут у мемориала «Мужество» под надписью «Неизвестный». Кстати, в Крепости не ставят цифры на мемориальных плитах, а хоть тысячу раз пишут «Неизвестный». Я уже писал в начале своего дневника, что их уже один раз превратили в цифры сводок и донесений. А так у каждого появляется свое место, и те из нас, кто потерял кого-то на этой войне, может выбрать своего солдата и приезжать к нему... Если бы на каждом памятнике в местах боев были бы не цифры, а тысячи раз было бы выбито «Неизвестный солдат», то даже визуально мы и наши дети понимали, чего стоила эта Победа.

Работая в поиске и передавая останки на захоронение, я часто слышал от чиновников, что, мол, у меня тут весь район в памятниках — куда еще ставить, мол, не могу превратить я весь город, район, село, в кладбище, да и дорого это, надо о живых думать. Это так, наверное, это рационально. Но после того, что произошло на Украине, я понял — НЕТ, нужны памятники, нужна память, нет здесь места рациональному и материальному. Именно память о павших — это основа счастья и мира для живых. Ведь, может быть, если бы украинский ребенок день изо дня шел в садик, школу, институт в своем городе, селе, деревне мимо памятнику похороненному солдату, одного, потом другого, третьего, если бы ему правильно объясняли, кто и за что здесь погиб, как объясняли это нам, то никто и никогда бы не переубедил бы его, что есть другие герои — Бандера, Шухевич, «Галичина», УПА... «Нет, — сказал бы он, — это неправда, потому что за освобождение моей Родины погибли солдаты Красной Армии, и они лежат в моем селе, и люди носят им цветы и ухаживают за их могилами, а людскую память не обманешь». Вот так я думаю.

Земля Брестской крепости. Это отдельная тема. Если память о павших — это душа крепости, то ее земля — ее тело. Как же оно изранено, это тело. Это тело бойца, солдата, который до сих пор не оправился от ран, чье тело в никогда не заживающих шрамах. Я работал в поисковых экспедициях почти на всех местах крупных сражений, видел разную землю, нашпигованную железом так, что там до сих пор ничего не растет. Такую, как на Невском пяточке, изрытую траншеями и воронками, такую, как во Ржеве, видел непроходимую топь в Мясном бору, выдубленную солнцем до каменной твердости в Крыму... Но такая только здесь.

Немцы артиллерией и авиацией смели почти все сооружения Крепости, и все это осколками кирпича и железа на метр покрывает всю территорию. Этот страшный ковер, слежавшийся и утрамбованный годами, превращает земляные работы в штурм кирпично-железного щита с вкраплениями неразорвавшихся снарядов, мин и гранат. Земля в местах боев реально отдает и солдат, и железо, как бы выталкивая его. В Крепости она не может этого сделать, она закована в латы и, чтобы хоть что-то достать, надо пробить метровый панцирь той войны.

Из раскопа мы извлекли снаряд нашей 45-мм противотанковой пушки с донным взрывателем, вредная штука, их даже сняли с вооружения в 42 году, так как они взрывались при погрузке и транспортировке. До приезда саперов понес его в сторону от людей, вот сколько несу, столько и думаю: «Вот дура железная, что в твоей тупой башке, сейчас оборвется какая-нибудь тухлая пружинка — и прощай, дорогой товарищ». Никто не считал, сколько жизней после войны унесло и уносит еще ее железо, а ведь это тоже потери Великой Отечественной. И она действительно — в прямом смысле — еще не закончена. И солдат последний еще не захоронен, и взрывы еще звучат.

БРЕСТ. ДЕТИ.

Я думал вообще не писать сегодня. Хотел сначала переварить, пережечь в себе всю эту боль. Сегодня, дорабатывая воронку от авиабомбы, основываясь на воспоминаниях, положении тел в захоронении и сопутствующих находках, с большой долей вероятности стало ясно, что лежат в ней те, кто погиб в первые секунды войны. Это те, кто спал в казармах 333 стрелкового полка, те, которых засыпало и убило осколками еще во сне, те, кто не успел осознать, что произошло. Их хоронили уже после боев в крепости, когда разбирали казармы 333-го, хоронили местные жители — тех, кого нашли под завалами. Гибель солдата в первые секунды, когда нет возможности убить врага, выстрелить в него, порвать его зубами, просто ринуться в страшную атаку с голыми руками или обрезком трубы, что погибнуть в бою...

А под телами взрослых была самая страшная находка — останки ДЕТЕЙ — одного ребенка 3-4 лет и чуть постарше 7-10 лет.

Как передать вам, что я взрослый мужик, офицер, поднявший из земли десятки солдат и присутствовавший на подъеме сотен, чувствовал, когда выбирал из горелого песка и осколков кирпича пальчики четырехлетнего ребенка? Земля крепости по странным ее свойствам на полутораметровой глубине под военным хламом сохранила в мельчайших подробностях останки этого ребенка. Зачем? Ведь в любом другом месте кости ребенка не смогли бы сохраниться. Откуда здесь эти дети? Рядом во флигеле проживали семьи офицеров, по разным воспоминаниям, около 10 семей с детьми. Где их родители? Может тут же рядом сверху в воронке, даже после смерти своими телами закрывая своего ребенка?

Что чувствовал я, выбирая эти хрупкие, маленькие, как семечки, пальчики и косточки? Плакал ли я? НЕТ!!! Я закрывал его от палящего солнца и думал, что ни тогда, ни сейчас, я не смог и не смогу уже ничего сделать для него. Как 74 года назад не смогли сделать и тысячи солдат и сотни орудий, которые были вокруг него. Не смогли защитить его от вероломного жестокого врага.

А сейчас? А сейчас я могу! Я могу рассказать о нем, может, кто-то прочитает это и что-то поймет. Так вот я хочу, чтобы ВСЕ, Вы слышите, ВСЕ, кто прочитает это, знали, что чувствовал я, 40-летний здоровый мужик, глядя в пустые глазницы этого ребенка, я знаю, кто его убил! Его убил НЕМЕЦ-НАЦИСТ, который пришел на его землю, чтобы сделать его и миллионы русских, белорусов, украинцев, таджиков, узбеков и других своими рабами, отобрать нашу землю и наши дома. Этот НЕМЕЦ, АВСТРИЕЦ, ИТАЛЬЯНЕЦ, РУМЫН, ВЕНГР пришли, как до этого чуть более сотни лет назад приходили французы, со всем европейским сбродом, с той же целью и задачей, убивали наших детей, жгли наши деревни и рушили наши города. Как до этого шли поляки, шли другие, которые возомнили себя сверхлюдьми, которые считали, что они избранные.

Где было все мировое сообщество, когда умирал этот ребенок? Где оно сейчас, когда гибнут дети Донбасса? Я хотел бы, чтобы сегодня вместе с нами из воронки от немецкой авиабомбы вынимали бы кости этого ребенка ВСЕ те, кто в России, Белоруссии и на Украине говорит нам о европейских ценностях и культуре, к которым надо стремиться. Спросите у меня, я видел эти ценности сегодня в воронке. Эти ценности или то, что они ими называют, вернул им всем тем, кто сейчас говорит о мире, заряжая автомат, мой дед Лексин Сергей Александрович. Дойдя до Праги,

вернул им то, что они не захотели сами защищать, те свои пресловутые ценности, от которых они отказались в угоду Гитлеру и своему спокойствию. Да, отказались не все. Да, были и есть там люди, готовые бороться за свободу и правду, но их не слышали и тогда, не слышат и сейчас в угоду своим дутым материальным интересам, своим политическим амбициям, которые не стоят слезинки ребенка.

Кем бы могли стать эти дети, вы только подумайте, что они бы могли придумать, — звездолет, вакцину от рака, полететь на Марс, просто трудиться на заводе на благо своей страны. А его нет, он 74 года лежал в воронке от авиабомбы, может быть, как напоминание всем нам, что такое война.

Я, гражданин России Мачинский Сергей, обращаюсь ко всем русским, белорусам, украинцам, всем жителя бывшей Великой страны СССР от имени ребенка Брестской крепости, я имею на это право, потому что выбирал из битого кирпича его кости. Очнитесь и поймите вы наконец, они всегда будут хотеть отобрать нашу землю, забрать наши ресурсы, превратить нас в рабов, всегда наша с вами Русская — да, именно Русская земля — будет бесить и раздражать их, им всегда будет хотеться завоевать ее. Может, не открыто пока. Они будут внушать нашим народам исподволь мифы о нашей «исключительности», обещать принять в свои еще более «исключительные» ряды, через предателей внутри страны, купленных за 30 забугорных серебрянников, разрушать наши государства, чтобы пустить с молотка все то, что завоевано ценой жизни этого ребенка, внушать нам, что шмотки и деньги дают человеку счастье и власть. Нет! Запомните, только ВСЕ ВМЕСТЕ, делая для своей страны все, что в наших силах, не набивая личную мошну и не окружая себя никчемной роскошью и барахлом, а делая наши страны сильными, делая их такими сильными, чтобы не один больше гитлер или новый наполеон даже подумать не могли о походе на Россию, мы сможем отдать долг этому ребенку из Брестской крепости и обезопасить своих детей от этой черной воронки!

Подумайте об этом все — богатые и бедные, молодые и старые, русские и нерусские — потому что для врагов у нас одна национальность — РУССКИЕ. И помните, как и я на всю свою жизнь запомню детей Брестской крепости. Достойно ли Вы живете, правильно ли? Все на секунду задумайтесь, что сделал я лично, невзирая на обстоятельства и несмотря на других, чтобы страна моя стала сильнее, и мои дети выросли и жили? И еще я хочу, чтобы все те, кто подумывает в своей мерзкой голове о походе на Россию, кто думает предать ее и распродать, знали, я буду рвать зубами каждого, я, как мой дед, буду голодать и не спать годами, я буду ползти на карачках, чтобы прийти к вам домой, я даже мертвый буду приходить к вам, потому что я сын украинца и русской, внук польки и украинца, Я — РУССКИЙ, и ЭТО — МОЯ ЗЕМЛЯ, мне ее завещали и оставили мои деды, и за нее жизни отдали Дети Брестской Крепости. И я такой не один, нас миллионы! И единственное, чего я теперь боюсь, — это погибнуть в первые секунды, как солдаты Крепости, чтобы хотя бы успеть взглянуть в глаза тому, кто, не дай Бог, придет еще на эту землю с мечом.

ГОВОРЯТ ДЕТИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ.

Сегодня закончили работы в Крепости. Наш «гарнизон» покинул Цитадель, оставив Крепость ее защитникам и туристам. На Восточном форте, обороной которого руководил майор Гаврилов, найдена счетверенная зенитная пулеметная установка. Нам даже показали фотографию, где немцы позируют у этой установки. Работники музея рассказали, что по воспоминаниям одного из выживших участников обороны, установки поступили в форт перед самым началом войны. Когда начались бои, никто не знал, как ими пользоваться, но ночью в форт пришел пограничник, который обучил личный состав форта, и утром очередная атака немцев была встречена шквальным огнем четырех пулеметов «Максим». С трепетом наши «поисковые» солдаты и случайные туристы смотрели на это легендарное оружие... Группа разминирования увезла несколько неразорвавшихся мин, снарядов и гранат.

А в нашем раскопе у казарм 333 полка обнаружена женщина с ребенком 7-8 лет, так и лежали они, мать и ребенок, вместе... Я не участвовал в этот раз в эксгумации, просто сидел на краю воронки и думал... Я все вчера сказал, я и сегодня подписываюсь под каждым своим словом. Работники музея и местные старожилы говорят, что много лет в крепости находили только солдат... Что это? Может, знак? Может, это последнее напоминание? Накануне той войны было много знамений и странных происшествий, будто кто-то предупреждал: «ОСТАНОВИТЕСЬ, ЛЮДИ!!!» Может, и сейчас это знак? Может, они, павшие 74 года назад, ни в чем не повинные женщины и дети говорят нам опять: «ВСПОМНИТЕ, ЛЮДИ, ОСТАНОВИТЕСЬ!!!»

Мы, те, кто помнит о жертвах прошлой войны, знаем и понимаем, что нельзя ни в коем случае, нельзя начинать войну. Мы знаем, как выглядит смерть, и к чему это приведет. Мы понимаем, что эта война, если, не дай Бог, она свершится, может стать последней для цивилизации, а те, кто ее разжигает и от кого зависит, быть ей или нет, вряд ли когда-то прочтут эти строки.

Так зачем нам это? Я знаю, зачем! Пусть то, что я писал вчера и пишу сегодня, каждый из вас, простых людей, разошлет и размножит по сети, пусть, может, кто-то из вас переведет и направит мои слова туда, в Европу и США, пусть о погибших детях Крепости прочтут и узнают за рубежом.

Пусть и там простые люди задумаются, что те, кто разжигают войны, обычно гибнут последними или вообще избегают суда и, набив карманы кровавыми деньгами, в тишине и неге доживают свой век на красивых островах. Что сейчас на Украине кровью харкает простой украинский солдат и офицер, что на Донбассе гибнут простые люди, женщины и дети. А в то время «порашенки» и «яценюки» набивают кошелек деньгами с продажи страны Украины. За что люди гибнут? За ЧТО? Матери, отцы, очнитесь. Власть — правильная она или не правильная — можно оценить всего одним критерием: гибнут ли при этой власти от пуль и осколков дети, закапывают ли их в зияющие черными провалами воронки. Вы, все простые люди на Украине, в Польше, Германии, Франции, США, прочитайте о детях Крепости Бреста. Они умерли в секунды по воле кучки маньяков, которые возмнили себя сверхлюдьми. Маньяков не остановили вовремя, и миру это стоило десятков миллионов прерванных жизней. Кто из жирных финансовых воротил и

лощенных забугорных политиков ответил за это? Кто сейчас говорит вам, что русские — враги, и зачем?

Русские не хотят войны, они слишком хорошо помнят 22 июня 1941 года. Наши поля до сих пор иногда белеют после дождя от костей защитников страны. Стало ли вам, жителям Европы, лучше от санкций, которые наложили ваши правительства на нас? Мы с вами простые люди, чего нам делить? Кто-то не хочет, чтобы была сильная Россия, Украина, Беларусь, Польша, Германия. Кто-то боится, что простые люди спросят с них за их вранье и лицемерие, внушая нам, что мы, вы — исключительные и сможем жить лучше за счет других. Готовы ли вы умереть за эту эфемерную исключительность, готовы ли, чтобы ваши кости десятилетиями белели на полях и в воронках безымянных могил, как они уже белеют на Украине?

Я и миллионы моих сограждан готовы умереть за нашу свободу, за наше право говорить на своем языке, за Память детей Брестской Крепости, за память наших дедов, за НАШИ ценности. Но мы не претендуем на право диктовать вам их. Мы — потомки тех, кто завоевал Победу в Великой Отечественной войне — еще хорошо помним, чего она стоила. Мы помним и знаем, что на территории Европы нет российских военных баз, хотя наши деды освободили большую часть Европы, но там есть американские базы. А зачем они? Готовы ли вы умереть за интересы заокеанских воротил? Опомнитесь! Только мнение миллионов простых людей, только воля, выраженная в протесте, сможет остановить маньяков, жаждущих крови.

74 года в воронке у казармы 333 стрелкового полка Крепости-Героя Бреста лежало 10 человек, из них трое детей. Они погибли в первые секунды той САМОЙ СТРАШНОЙ ВОЙНЫ, чтобы сейчас, когда мир находится перед угрозой еще одной, вернуться из небытия и своими нашпигованными осколками снарядов телами, проломленными детскими черепами, хрупкими, почти истлевшими детскими косточками, заваленными оплавленным огнеметами кирпичами, из обугленной воронки ВСЕМ НАМ СКАЗАТЬ: «ОСТАНОВИТЕСЬ, НЕ ТРОГАЙТЕ РОССИЮ. ЖИВИТЕ ВСЕ В МИРЕ, ТОЛЬКО В МИРЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЖИЗНЬ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕРНЫХ ОСКАЛИВШИХСЯ КОСТЯМИ ВОРОНОК!!!»

А завтра в 5 утра я пойду прощаться с Крепостью, с ее уже упокоенными и еще не найденными защитниками, с моими святыми, среди которых теперь три ангела, которые что-то хотят нам сказать, а что — решайте вы сами. Каждый может услышать свое, но никогда не забывайте Детей Брестской крепости и всех погибших в войнах детей, ведь все мы — дети.

БРЕСТ. АИСТ У ВОРОНКИ.

Я уезжаю в Москву к ее суете, делам. Огромное спасибо всем тем, кто помогал нам, кто работал вместе с нами, дирекции музея Брестской крепости — за понимание и содействие, властям Бреста, Малориты, военным комиссарам, милиции, всем, всем. Отдельное спасибо ребятам, которые очень любят свой родной город, свою Крепость, — Пете Пецко, Юре Грудовику, Олегу, Саше, Диме, командиру роты 52 батальона Сергею, командиру взвода Саше, командованию и всем солдатам 52 поискового батальона Белорусской армии — за совместную работу. Ну и моим родным батальонцам — командиру подполковнику Мансурову Владимиру Ильичу, командиру роты Антону Елину, сержантам Малкину, Карпову, рядовым Никольскому, Спиридонову — особое спасибо за поддержку и работу вместе на Брестской земле.

Я пришел в Крепость в 5.00 сегодня, крепость не спала, она дремала вполглаза, как часовой на посту, чутко прислушиваясь к происходящему в ней. Я не потревожил ее, может, за эту неделю она привыкла к нам. На месте засыпанной воронки, откуда были извлечены тела погибших, стоял и дремал аист. Аист — это олицетворение мира. Может и души павших обрели покой и мир, во всяком случае, я очень на это надеюсь. Буг и Мухавец дышали туманом, солнце всходило прямо из бетонной звезды.

Мы вышли через Холмские ворота и шли вдоль реки к центральному входу, Антон сказал: «Ведь тогда было все так же?» Нет. Тогда в 5.15 уже стоял грохот разрывов, тут был ад, уже, наверное, погибли те солдаты, которых мы нашли, уже может быть были убиты те женщины и дети.

Ведь в этом вся сущность нацизма. Подлость и лицемерие — его суть, возвышение одного человека над другим, и не по моральным, умственным, деловым качествам, а за счет природной принадлежности к какому-то виду, роду, племени — просто, тупо и для скота! Скотом легче управлять, ему уже ничего не надо, он уже «избранный», его надо только мучать и убивать, чтобы подтвердить самому себе свою исключительность. А это ему предоставят в достатке. ЗАПОМНИТЕ: ФАШИЗМ — ЭТО НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ, ЛЕКАРСТВО ОТ ФАШИЗМА ОДНО — ПУЛЯ.

Не знаю, дошли ли мои слова из этого дневника хоть до кого-то, изменится кто-нибудь после прочитанного, изменит ли он свое отношение к стране, к жизни, к себе. Хотелось бы. Просто может быть поздно — так поздно, что будет уже не вернуть ничего... Я покидаю Крепость и Брест, и у меня теперь есть тут свои святые — Иван Маркович Дихно и другие. И может быть со мной теперь три маленьких Ангела, которых я не предам никогда. Мы им нужны, чтобы помнить и не допустить войны.

Об авторе:

Сергей Александрович Мачинский — руководитель департамента поисковой и реконструкторской работы Российского военно-исторического общества.